

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609
EDN: IOJFHE

Научная статья / Research article

Поддержка иранских студентов в СССР со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей на рубеже 1920–1930-х гг.

М.Ю. Сурков 

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация
✉ maksim.surkov@urfu.ru

Аннотация. Прочные отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) значительно укрепились в начале 2020-х гг. Одной из важнейших сфер продуктивного взаимодействия является высшее образование. Среди иранских абитуриентов популярны медицинские и технические вузы в России. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время государственной структурой, ответственной за привлечение иностранных студентов, является Россотрудничество, и необходимо обращение к традициям работы с иранскими студентами, сложившимся в результате работы предшественника этой организации — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В этом контексте деятельность ВОКС по привлечению иностранных студентов изучена недостаточно. Задачи исследования — охарактеризовать стратегию ВОКС по работе с абитуриентами и студентами из Ирана, выделить внутренние и внешние факторы, влиявшие на успешность работы ВОКС, проанализировать конкретные проблемы, с которыми сталкивались иранские студенты в СССР: отчисление, прохождение практики, трудоустройство. Материалы исследования — это документы из фонда ВОКС, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), ранее не введенные в научный оборот, а также опубликованные иранские документы из фондов иранских архивов. Методы исследования включают неоинституциональный подход, который концентрируется на действиях субъектов организаций и раскрывает роль ВОКС в системе советских учреждений. Результатом исследования является анализ организации работы со студентами из Ирана и влияния этой организации на их жизненные траектории и оценка успешности советской культурной дипломатии на иранском направлении. Как и в настоящее время, в исследуемый период иранские абитуриенты стремились получить образование в области медицины и технических специальностей. Сделан вывод, что положительного результата добивались те иранские студенты, которые обращались в ВОКС через посредников — иранское посольство в Москве либо советских дипломатов в Иране. В XXI в. опыт привлечения в Россию иностранных студентов из стран Азии и Африки является актуальным в связи с «поворотом на Восток» в российской внешней политике, расширением БРИКС и взаимодействием в рамках этой структуры.

Ключевые слова: академическая мобильность, интернационализация образования, Реза-шах Пехлеви, иранские студенты, культурный обмен

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сурков М.Ю. Поддержка иранских студентов в СССР со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 598–609. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609>

Support for Iranian Students in the USSR by the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries at the Turn of the 1920s — 1930s

Maksim Yu. Surkov 

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

 maksim.surkov@urfu.ru

Abstract. In the early 2020s, the close relationship between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran was significantly strengthened. Higher education is one of the most important areas of cooperation between two countries. Russian medical and technical universities are popular with Iranians. The relevance of the study is due to the fact that the state organization responsible for attracting foreign students is currently Rossotrudnichestvo. It is therefore necessary to consider the traditions established by its predecessor, the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), when working with Iranian students. The present article is based on solid archival ground, relying on the unpublished documents from the VOKS files of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and published documents from Iranian archives. The aim of this research is to provide a comprehensive description of VOKS' strategy for working with potential and current students from Iran, highlighting the internal and external factors that influence VOKS' performance. It also sheds light on several important case studies related to the problems Iranian students faced in the USSR, including expulsions, internships, and employment. The neo-institutional approach, which emphasizes the actions of individuals within an organization, is employed to demonstrate VOKS's place among Soviet institutions and to show how the work with Iranian students was organized and in what way this influenced their life and the success of Soviet cultural diplomacy in Iran. Studying medicine or technical subjects was as popular with Iranians then as it is today. It is concluded that Iranian students who managed to gain support from both VOKS and diplomatic officials from the USSR and Iran were successful. Attracting international students from Asia and Africa to Russia is relevant in the 21st century because of the “turn to the East” foreign policy strategy and the expansion and cooperation of the BRICS organization.

Key words: academic mobility, internationalisation of education, Reza Shah Pahlavi, Iranian students, cultural exchange

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Surkov, M. Yu. (2025). Support for Iranian students in the USSR by the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries at the turn of the 1920s — 1930s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 598–609. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609>

Введение

Позиционирование России как страны, открытой для внешнего мира, выражено в показателях приоритетного проекта «Экспорт образования», который требует от вузов повышать привлекательность образовательных программ в РФ. Россия демонстрирует готовность привлекать студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Их прием в российские вузы координирует Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом,

и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Глава агентства Е. А. Примаков в ходе беседы с Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Иран (ИРИ) в России К. Джалали отметил, что наша страна заинтересована в привлечении иранских студентов¹. Иран является одним из приоритетных направлений деятельности агентства. По словам Л. В. Панькиной (Вотиновой), первого секретаря Посольства Российской Федерации в Иране и представителя Россотрудничества, в 2023/2024 учебном

¹ В Агентстве обсудили обучение иранских студентов в России // Россотрудничество. 27.09.2023. URL: <https://rs.gov.ru/news/v-agentstve-obsudili-obuchenie-iranskikh-studentov-v-rossii/> (дата обращения: 04.05.2024).

году в России обучалось около 6 тыс. иранских студентов². В 2025 г. премьер-министр РФ М.В. Мишустин назвал цифру в 9 тыс. иранцев в вузах РФ³. Это свидетельствует об актуальности истории российско-иранских отношений в сфере высшего образования, тем более что в Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и ИРИ, подписанном 17 января 2025 г., в ст. 28, 30 и 34 обозначены направления образовательного сотрудничества, причем отдельно выделена подготовка специалистов-медиков (ст. 28⁴). В этой связи особенно важно обращение к опыту взаимодействия с иностранными студентами из Ирана организации — предшественницы Россотрудничества — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), созданного в 1925 г.

Образовательная дипломатия как составная часть культурной дипломатии периода Интербеллума рассматривалась историками через призму отношений государственных структур и университетов (Tronchet, 2013, роли частных фондов в поддержке иностранных студентов (Bu, 2012, р. 115) и классификации видов академической мобильности (Global Exchanges..., 2018, pp. 13–15). Проблема интернационализации высшего образования в России изучалась как отечественными (Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 577–612; Шумилова, 2022), так и зарубежными исследователями (Perraton, 2017). Однако применительно к обучению студентов восточных стран в СССР в 1920–1930-е гг. исследователи чаще всего рассматривали работу только Коммунистического университета трудающихся Востока (КУТВ) (Kirasirova, 2024, pp. 64–65). Обучение иранцев в СССР было проанализировано в связи с деятельностью

КУТВ (Ravandi-Fadaï, 2015), в контексте обращения к биографиям активистов иранского левого движения (Генис, 2014), а также связи с развитием советской иранистики (Volkov, 2018). Тем не менее перипетии судеб иранских юношей и девушек, которые ехали в СССР на учебу не по линии Коминтерна, в работах историков практически не прослеживаются. В современной иранской историографии обучение иранцев в советских вузах в 1920–1930-е гг. фактически не исследовалось, несмотря на то, что обучение иранских студентов за границей привлекало интерес академических кругов Ирана (Gheidari & Shohani, 2022) и западных стран (Menashri, 1992, pp. 125–141; Matin-Asgari, 2002, pp. 19–25).

Иностранные студенты, в том числе иранские, стремясь в советские вузы во второй половине 1920-х гг., контактировали с полпредством СССР, посольством Ирана и конкретными учебными заведениями. Помимо этого они, а также сотрудники упомянутых учреждений обращались в ВОКС за поддержкой или разъяснениями. Именно поэтому в фонде ВОКС, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), сконцентрированы соответствующие документы, которые позволяют проанализировать различные аспекты взаимодействия студента или абитуриента с советской действительностью.

Анализ этой взаимосвязи, с одной стороны, возможен в логике неоинституционального подхода, согласно которому модели поведения акторов (абитуриентов и студентов) определяются не только рациональными соображениями, но и влиянием институционального окружения (Smeplass, 2025, p. 9). С другой стороны, данную

² Votinova L. Mahdudiyati baraye tahsil dar reshteha-ye khass nadarim (mosahebe) [Вотинова Л. У нас нет ограничений на обучение по определенным специальностям (интервью)] // Farhikhtegan [Фархихтеган]. 28.09.2023. No. 3968. (На персидском языке). URL: <https://farhikhtegandaily.com/newspaper/3968/8/> (accessed: 09.06.2024).

³ Беседа Михаила Мишустина с Первым вице-президентом Ирана Мухаммадом Резой Арефом // Правительство Российской Федерации. 15.08.2025. URL: <http://government.ru/news/55941/> (дата обращения: 17.08.2025).

⁴ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 19.09.2025).

исследовательскую оптику следует настроить в темпорально-контекстуальном ключе с учетом пересечения международных отношений, советских бюрократически-ведомственных практик 1920-х гг. и культурной дипломатии. Под последней понимается деятельность государственных и негосударственных акторов по продвижению собственных ценностей и укреплению взаимопонимания на международном уровне (Martin & Piller, 2021, p. 155). При этом инициативы в области образования способствуют достижению целей культурной дипломатии (Walton, 2015, p. 345).

ВОКС и взаимодействие с иранскими студентами

Как в российской, так и в зарубежной историографии деятельность ВОКС рассматривают через призму укрепления культурных связей, организации обществ дружбы с СССР, приема иностранных гостей, создания положительного образа СССР за рубежом и развития академической мобильности (Fayet, 2014; Дэвид-Фокс, 2015; Голубев, Невежин, 2016; Груздинская, Демьянов, 2024). Однако в работе ВОКС существовал более прозаический аспект, связанный с посредническими функциями между иностранцами и советскими инстанциями. Функции посредника выполнялись ВОКС в соответствии с уставом общества, в котором утверждалось, что ВОКС «содействует обмену научными силами (...студентами) между СССР и заграницей»⁵.

Это был трудоемкий процесс коммуникации как с иностранным подданным, так и с его дипломатическим представительством, в данном случае — посольством Ирана. В центральном аппарате ВОКС за взаимодействие с иранскими студентами отвечал Восточный сектор, а в Иране с ними контактировали уполномоченные ВОКС — сотрудники

полпредства или консульств, а также другие советские дипломаты. Восточный сектор ВОКС (впоследствии переименованный в отдел) нес основную нагрузку по связям с иранскими студентами. Во второй половине 1920-х гг. референтами данного отдела работали люди, владевшие персидским языком (например, выпускница восточного факультета Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) А.Н. Урванцева-Левицкая), что позволяло эффективно налаживать контакты как со студентами, так и с иранским дипломатическим корпусом (Сурков, 2023, с. 64–65).

Государственная политика Ирана по отправке студентов за рубеж

Реза-шах Пехлеви, направляя ресурсы в обучение своих подданных за рубежом, не рассматривал СССР в качестве приоритетного направления для трансфера знаний и технологий. Исключение составляла военная сфера, и то в ограниченных масштабах, для обучения пилотов самолетов⁶. В иранских правящих кругах существовало опасение о восприимчивости иранцев, проживавших в СССР, к коммунистической идеологии, и иногда даже принимались меры по недопущению вернувшихся из Советского Союза лиц к поступлению на госслужбу (Poormohamadi Amlashi, Rahmani & Khazani, 2023, pp. 67–68). Европейские страны рассматривались как источник эффективных моделей организации образовательной системы и технических сведений, которые можно было бы использовать в ходе масштабных модернизационных реформ конца 1920-х гг. (Marashi, 2008, pp. 92–93).

В 1928 г. в Иране был принят «Закон об отправке студентов за границу», согласно которому в последующие шесть лет за рубеж требовалось направлять по сотне человек ежегодно. В период с 1928 по 1934 г. Министерство

⁵ Устав Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Москва : б/и, 1926. С. 2.

⁶ Moshfeghifar E. Tarikhche-ye ta'limat va tahsilat-e nezami dar Iran: dowre-e Pahlavi-ye Iran [История военно-го образования в Иране в период правления династии Пехлеви] // Moassese-ye motale'at va pazhuheshha-ye siyasi [Институт политических исследований]. 2021. (На персидском языке). URL: <https://psri.ir/?id=mle1c0y2> (accessed: 30.06.2024).

просвещения отправило в Европу и США 640 студентов (Moradinezhad & Pezhum-Shariati, 1974, p. 101). Всего в 1922–1938 гг. образование за рубежом как за счет государственных стипендий, так и в частном порядке получило около 1500 человек (Арабаджян, 2022, с. 195). Для обучения медицине, например, наибольшей популярностью пользовалась Франция (Azizi & Azizi, 2010, p. 358). Несмотря на нормализацию отношений между Москвой и Тегераном в связи с подписанием договора о нейтралитете 1927 г., в двустороннем взаимодействии сохранялось взаимное недоверие. Помимо этого, в СССР процессы индустриализации и иные реформы в конце 1920-х гг. только начинали реализовываться, в отличие от стран Западной Европы, что также оказало влияние на выбор Ираном стран для направления своих студентов. Также следует подчеркнуть, что в числе сотни студентов, подлежащих отбору для учебы за границей, всегда выделялась квота в 35 студентов-педагогов высшей школы (Gheidari & Shohani, 2022, p. 92; Arasteh, 1962, p. 87). Многие из вернувшихся студентов стали преподавать в Тегеранском университете (Amanat, 2017, p. 470). Учитывая идеологическую нагруженность советского образования, неудивительно, что иранское правительство направляло своих будущих учителей и преподавателей в европейские страны.

Даже тех иранцев, которые оканчивали иранские школы в СССР — например, школу «Иттихад» в Баку (Taher Ahmadi, 2005, p. 188), — предполагалось отправлять в Тегеран для участия в отборе для учебы в Европе, а не спонсировать их обучение в советских вузах. Правда, слабое владение европейскими языками стало серьезным препятствием. Ни один из иранских выпускников бакинской школы не смог отправиться

в Европу в 1929 г.⁷ Желавшим получить образование в СССР приходилось рассчитывать на поддержку семьи, советских учреждений и иранского посольства. Например, один из сотрудников советско-иранской компании «Иранрыба» М. Парвин за счет компании получил образование в СССР, однако, по словам председателя совета директоров А. Сохейли, и этот студент направлялся после пребывания в Советском Союзе на учебу в Европу⁸.

Иранские студенты в СССР: проблемы и поиск решений

За иранских подданных ходатайствовало иранское посольство в Москве. В переписке между ним и ВОКС отражены такие проблемы, с которыми сталкивались иранцы, как зачисление в вузы, отчисление, прохождение практики и трудоустройство.

Отчисление нередко отражало распространенные в советский период практики борьбы с инакомыслием, без какого-либо явного национального подтекста. Согласно утверждениям иранского посольства, иранская подданная Н. Ананьевая была отчислена из строительного техникума в г. Пенза по причине социального происхождения ее отца. Из Восточного сектора ВОКС был направлен запрос директору техникума. В ответе указывалось, что студентка была отчислена не за социальное происхождение, а за «разлагательство студенческой массы», и в качестве аргумента была представлена выписка из заседания профкома техникума, организованного совместно с ячейкой ВЛКСМ. В выписке конкретизирован характер «разлагательства»: оно осуществлялось «проводимыми на квартире вечерами и елочными праздниками»⁹. В посольство было сообщено, что причиной отчисления Н. Ананьевой

⁷ Asnadi az madares-e irani dar kharej va madares-e khareji dar Iran (1301–1317). Be kushesh-e I. Abadi [Иранские школы за рубежом и иностранные школы в Иране: документы (1922–1938) / под. ред. И. Абади]. Tehran : Ministry of Culture and Islamic Guidance, 2002. P. 84. (На персидском языке).

⁸ Daneshjuyan-e irani dar Orupa. Asnad (az sal-e 1307 ta 1313). Be kushesh-e A. Navaii, E. Malekzadeh [Иранские студенты в Европе. Документы (с 1928 по 1934) / под ред. А. Наваи, Э. Малекзаде]. Tehran : National Library & Archives of the I.R. of Iran, 2003. P. 137–138. (На персидском языке).

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 97. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Суур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

стало давление общественных организаций техникума¹⁰. Очевидно, что свою роль сыграло и ужесточение норм контроля ритуалов повседневности со стороны партийных структур на рубеже 1920–1930-х гг. (Лебина, 1999, с. 139).

Однако отчисления происходили по самым прозаическим причинам, например, из-за плохой посещаемости. Студентка Московского фармацевтического техникума З. Григорьян в течение первого курса учебы редко посещала занятия, и в 1930 г. была отчислена. Через посольство З. Григорьян в своем прошении аргументировала свое отсутствие на занятиях болезнью, а именно опухолью конечностей в связи с морозами. В ВОКС, ходатайствуя за иранскую студентку, выдвинули довод: «Она приехала издалека учиться, и в наших интересах вовлекать персидскую учащуюся молодежь в орбиту влияния советской культуры»¹¹. Однако в техникуме не вняли этой аргументации и отметили, что З. Григорьян была принята на первый курс в 1928/29 учебном году, училась плохо, но была оставлена на второй год в качестве исключения. В первом полугодии 1929/1930 учебного года студентка получила несколько неудовлетворительных зачетов и пропустила более 20% занятий, что и стало причиной отчисления¹².

Родство как положительный фактор

При ходатайствах за иранских подданных учитывались их родственные связи. Например, иранское посольство просило ВОКС поддержать С. Рафат, выпускницу Первого Московского государственного медицинского института 1930 г., при трудоустройстве в одну из больниц г. Махачкалы,

поскольку ее супруг был управляющим вице-консульством Ирана¹³. Данная просьба была выполнена после согласования с Народным комиссариатом иностранных дел (НКИД), причем ВОКС мотивировало необходимость поддержки ходатайства тем фактом, что эта женщина была дочерью известного востоковеда, сотрудника Института востоковедения СССР М.А. Гафарова, который попросил за нее лично в ВОКС¹⁴. В результате рекомендации со стороны ВОКС и НКИД сыграли свою роль, и С. Рафат смогла устроиться на работу в больницу. Однако уже через год консульство было закрыто, и семья дипломата переехала в Тегеран, где С. Рафат смогла открыть свою медицинскую практику¹⁵.

Высокопоставленные родственники стремились обеспечить лучшие условия для получения образования иранских студентов. Например, генеральный консул Ирана в Ташкенте М. Керим-хан обратился к уполномоченному НКИД по Узбекской ССР В.И. Соловьеву с просьбой возбудить ходатайство о переводе своего племянника М.-К. Алиева, студента юридического факультета Бакинского госуниверситета, в Московский университет в связи с переездом по семейным обстоятельствам. Причем очевидно, что в отличие от своих московских коллег — иранских дипломатов — он еще не разобрался в той роли, какую играло ВОКС. Посольство обычно писало напрямую в ВОКС, минуя структуры НКИД, а иранский консул обратился к уполномоченному НКИД, который, в свою очередь, передал просьбу М. Керим-хана в Восточный отдел НКИД С.К. Пастухову, через которого письмо попало в ВОКС и было направлено в Главное

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 95. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 59. Л. 35-35об. Переписка с НКИД. 20 января 1930–11 июня 1930 г.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Вице-консульство Ирана было открыто в Петровске (Махачкала) в начале 1870-х гг. См.: (Плиева и др., 2022, с. 86).

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 146. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

¹⁵ Mojavez-e tababat-e doktor Safiyeh Ra'fatjah [Разрешение на медицинскую практику доктора Сафие Рафатджах] // Donya-ye zanan dar asr-e Qajar [Мирры женщин в эпоху Каджаров]. (На персидском языке). URL: <http://www.qajarwomen.org/fa/items/14134A29.html> (accessed: 09.10.2024).

управление профессионального образования (Главпрофобр), которое вынесло положительное решение¹⁶. Таким образом, в республиках СССР слабо представляли, что ВОКС обладает определенным весом в советской иерархии и может при согласовании своей позиции с НКИД отстаивать интересы иностранных подданных.

В 1928 г. посольство ходатайствовало за иранского выпускника Высшей технической школы г. Аахен (Германия) А. Моэда по поводу прохождения им практики на бакинских нефтепромыслах. Иранец планировал приехать к родителям в Баку на каникулы, стремясь одновременно и побывать с родными, и подзаработать. Для этого он обратился в посольство, которое направило его обращение в ВОКС. Референт по Востоку А.Н. Урванцева была вынуждена заниматься устройством на практику этого студента: она получила согласие председателя правления Азнефти М.В. Баринова и уведомила об этом иранское посольство¹⁷. ВОКС постепенно втягивалось в бюрократическую волокиту, на которую у общества не было ни сил, ни средств. Однако, по всей видимости, здесь сыграл свою роль факт наличия родственников в Баку, поскольку на ходатайство посольства за другого иранского студента — А. Афшара, выпускника Берлинской высшей технической школы, — был получен отрицательный ответ из-за отсутствия вакансий¹⁸. В конце 1920-х гг. студенчество действительно сталкивалось с тем, что мест для прохождения практики не хватало и это приводило к проблемам в учебном процессе¹⁹ для всех категорий студентов.

Отсутствие гарантии успеха

Посольство, а также иранские студенты воспринимали ВОКС как одну из инстанций, которая обычно по роду своей деятельности

выступала в качестве «покровителя» иностранцев в советской системе, и использовали его ресурсы, чтобы протолкнуть решение тех или иных вопросов. Иранский подданный П. Насери в сентябре 1928 г. приехал поступать в один из техникумов Москвы с рекомендацией от советского консула в Мешхеде. Несмотря на то, что ходатайства ВОКС столкнулись с сопротивлением со стороны Главпрофобра (там указывали на окончание срока приема документов), поддержка НКИД возымела действие и студент был принят на рабфак им. Калинина на государственную стипендию. Однако по причине болезни родителей он был вынужден уехать обратно в Иран и работать в различных советских учреждениях — kontore «Шарк», «Бюроперс». Это демонстрирует, что даже в случае успешного ходатайства со стороны ВОКС (то есть траты ресурсов на переписку, обсуждение, дискуссии с профильными ведомствами) отдельные студенты так и не прошли обучение в СССР.

Вместе с тем не всегда положительные рекомендации со стороны советских дипломатов определяли исход дела. Несвоевременная подача документов была главной проблемой многих иранских абитуриентов, и доводы ВОКС и сотрудников НКИД не оказывали влияния на принятие решений в структурах Наркомата просвещения (Наркомпроса). Это, безусловно, следует рассматривать как недоработку со стороны абитуриентов, которые несвоевременно направляли документы. Например, в августе 1928 г. выпускник русско-персидской школы в Тегеране Г. Могадас через полпредство направил заявление о поступлении в один из вузов столицы. Как подчеркнул заведующий генеральным консульством в Тегеране, заявление и автобиография были написаны абитуриентом самостоятельно — действительно, каллиграфическим почерком на чистом русском языке, что говорит о том, что советская школа в Тегеране

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 17. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 156. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

¹⁸ Там же. Л. 175.

¹⁹ Пушкин И. Некоторые итоги летней практики // Красное студенчество. 1928. № 5. С. 4.

справилась со своей задачей в области культурной дипломатии: был подготовлен нацеленный на обучение в СССР абитуриент с прекрасным русским языком. Более того, в своей автобиографии²⁰, понимая «правила игры» в советской административной системе, Г. Могадас привел рекомендации от бывшего генконсула в Тегеране Н.П. Итви (Подгорного) и военного атташе полпредства А.А. Бобрищева. Однако в Наркомпросе не стали заниматься подбором вуза и отказали Г. Могадасу в приеме на формальных основаниях в связи с истечением сроков приема документов, тем самым свидя на нет усилия педагогов советской школы в Иране и советской культурной дипломатии²¹. Хотя были и примеры успешной карьеры выпускников Тегеранской совшколы (Ravandi-Fadai & McNeer, 2023).

Иногда дело доходило до курьезов. В 1927 г. советский вице-консул по Дерегезо-Келатскому району В. Кораблев ходатайствовал перед ВОКС за иранского подданного А. Исмаил-заде и просил найти для него место на одном из рабфаков Москвы. Референт ВОКС по Востоку А.Н. Урванцева смогла добиться, чтобы Наркомпрос выделил место, предназначенное для политэмигрантов, для этого иранца. Однако так как А. Исмаил-заде был госслужащим, то для получения загранпаспорта ему потребовалось уволиться, что ему сделать не позволили. Тогда отчаявшийся иранец сказал советскому дипломату, что он бросит службу и будет нелегальными путями пробиваться в Москву. В. Кораблев не поддержал подобный авантюризм и не одобрил это решение²². Тем не менее из данного случая видно, что зачастую ресурсы и время сотрудников ВОКС и советских дипломатов затрачивались впустую.

ВОКС как представитель интересов иностранных студентов

Факт положительного влияния ВОКС на ход того или иного дела приводил к тому, что иранские студенты обращались за помощью повторно, превращаясь в постоянных «клиентов». Особенно это касается студентов, уже поступивших в те или иные советские вузы, например, в национальных республиках или региональных центрах, но стремившихся в Москву или Ленинград, а также тех студентов, которые поступали в учебное заведение не того профиля, на который рассчитывали. Например, в 1928 г. студент сельскохозяйственного факультета Государственного университета Армении С. Ишхани через посольство обратился в ВОКС с просьбой перевести его в Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева²³. Студент экономического факультета Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова М.З. Григорян в 1928 г. обратился в посольство с просьбой о поддержке его заявления о переводе на промышленное отделение Промышленно-экономического института им. А.И. Рыкова, и ВОКС смогло добиться от руководства данного института его зачисления на 3-й курс²⁴.

Очевидно, что иностранные подданные обращались в ВОКС не только исходя из восприятия данного общества как «покровителя» иностранцев, особенно стран Востока, то есть заручившись поддержкой одного советского института при взаимодействии с другим. Они действовали по определенной инерции: вместо «внутренних» советских ресурсов отстаивания интересов, например, профсоюзов, они действовали те ресурсы, к которым привыкли как иностранцы. Служащий

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 44об. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 63. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²² ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 78. Л. 227. Протокол совещания ВОКС о культурной работе в Персии. Октябрь 1926 — декабрь 1927 г.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 145. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²⁴ Там же. Л. 75.

Московско-Курской железной дороги, персидский подданный А. Нагизаде, будучи членом профсоюза работников железнодорожного транспорта, вместо того чтобы попасть на учебу на курсы по профсоюзной линии, попытался сделать это через ВОКС, но ходатайство не оказалось действия, поскольку руководство школы перенаправило его в профсоюз²⁵. Данный шаг со стороны ВОКС представляется не очень логичным, поскольку по своим целям ВОКС следовало работать прежде всего с теми категориями иностранцев, которые были связаны со студенчеством, интеллектуальными кругами, а не с каждым иностранцем по определению. Влияние на то, что ВОКС решило поддержать этого иранца, скорее оказал факт рекомендации со стороны иранского посольства.

Представляется, что проблему представляла формулировка аргументов со стороны ВОКС при направлении ходатайств в приемные комиссии. С одной стороны, эти аргументы были верными с точки зрения продвижения советских интересов за рубежом, а с другой — могли трактоваться как попытка затратить государственные средства впустую. В некоторых случаях иранское посольство писало в ВОКС, что будущий студент взял на себя обязательство после получения образования выехать в Иран и устроиться на работу. В качестве примера можно привести И. Юзбашеву, абитуриентку Химико-технологического института в Ленинграде, или Н.Г. Лазареву, поступавшую в Московский строительный техникум²⁶. Это было абсолютно логично с точки зрения иранских государственных институтов в условиях проводившейся Реза-шахом модернизации. Для ВОКС и советских дипломатов из НКИД затраты на обучение иранской молодежи в СССР оправдывались

целями культурной дипломатии, то есть создания ориентированной на СССР прослойки образованных молодых профессионалов. Однако эта аргументация шла вразрез с необходимостью подготовки специалистов для советского модернизационного проекта, а значит, у сотрудников вузов не было мотивации поддерживать такие ходатайства.

В 1928 г. были облегчены условия прохождения вступительных испытаний в вузы для иранских подданных, причем лоббировало это иранское посольство через ВОКС. В результате Наркомпрос РСФСР распорядился, что абитуриенты из Ирана имеют право на отсрочку испытаний по русскому языку и обществоведению при условии удовлетворительных знаний по специальным предметам — математике и физике²⁷. Несмотря на это, в начале 1930-х гг. в ВОКС отмечали, что в последнее время ходатайства о приеме персидских подданных в советские учебные заведения оставались неудовлетворенными, поскольку мест в вузах не оставалось²⁸.

Не помогала и поддержка со стороны советских дипломатов на местах. Генконсул СССР в Тебризе С.И. Сычев рекомендовал к поступлению в различные вузы Советского Союза выпускников русско-персидской школы, однако никто из них не был принят, поскольку иностранные граждане поступали на общих основаниях, и не было издано какого-либо специального постановления НКИД, которое поддержало бы данное ходатайство перед приемной комиссией вузов²⁹. Также проблемы с поступлением были связаны с тем, что иногда учеба могла быть просто предлогом для пребывания в СССР. Это отмечалось в переписке между НКИД и ВОКС. Заведующий Первым Восточным отделом НКИД С.К. Пастухов отмечал, что

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 59. Л. 56, 56об. Переписка с НКИД. 20 января 1930–11 июня 1930 г.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 104. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Суур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 132. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 126. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Суур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

²⁹ Там же. Л. 101.

некоторые иранские подданные, стремясь поступить на курсы или в вузы, «в действительности занимаются незаконными действиями в целях обоснования своего пребывания в Москве»³⁰.

Заключение

Таким образом, деятельность ВОКС включала в себя взаимодействие с будущей интеллигенцией и образованной молодежью — работу с абитуриентами и студентами советских вузов из Ирана. Теоретически этот аспект работы ВОКС выглядел привлекательно, поскольку позволял направить ориентированного на Советский Союз иранца по нескольким образовательным ступеням — сначала в русско-персидскую школу на территории Ирана, а потом — в один из вузов СССР для окончательного формирования мировоззрения, дружественного к стране победившей революции. Однако реализация этой теории сталкивалась с рядом сложностей, которые в итоге привели к тому, что ВОКС, не обладая достаточными ресурсами, было вынуждено работать «по ситуации», без четко определенной тактики действий.

Во-первых, СССР не рассматривался иранским правительством в качестве основного направления для отправки студентов как по причине недоверия к коммунистической идеологии, так и в связи с тем, что система высшего образования в СССР в конце

1920-х — начале 1930-х гг. только складывалась и на фоне систем высшего образования европейских государств выглядела менее привлекательно. По этой причине иранские абитуриенты, направлявшиеся в СССР, не могли рассчитывать на государственную стипендию и гарантию трудоустройства.

Во-вторых, ВОКС не было организацией, которая принимала бы окончательное решение относительно приема абитуриентов, и успешность ходатайств зависела от разных факторов: родственных связей студента, поддержки иранского посольства или НКИД, времени подачи заявления и т. д. Общество формально было общественной организацией, чьи рекомендации могли приниматься во внимание, а могли быть отвергнуты. Его реальный вес в советской ведомственной иерархии был небольшим, и оно не всегда добивалось успеха в решении вопросов. Это отрицательно влияло на системность работы ВОКС.

В-третьих, привлечение иностранных студентов в период индустриализации не было первоочередной государственной задачей в СССР, так как главным приоритетом было обеспечение подготовки собственных кадров. Тем не менее положительные аспекты опыта ВОКС — внимательное отношение к каждому потенциальному студенту, оказание ему поддержки в период адаптации в инокультурной среде, могут быть востребованы в практике специалистов современного Россотрудничества.

Поступила в редакцию / Received: 04.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 04.09.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Арабаджян З.А. Иранская модернизация 1926–1941 гг. Москва : ИВ РАН, 2022. EDN: FFBCFK
Генис В.Л. Абуль Гасим Зарре (1899–1938) // Иран: история и современность / под. ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. Москва : ИВ РАН, 2014. С. 121–131. EDN: UBZAYJ
Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. EDN: VXAGGN

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 180. Л. 16. Переписка с Наркоматом иностранных дел. Январь 1930–19 декабря 1931 г.

- Груздинская В.С., Демьянов К.В. Академическая мобильность советских ученых и ВОКС: опыт взаимодействия и сотрудничества в 1920-е гг. // Индустриальные города: научное и техническое наследие : сб. статей по материалам IX науч. школы молодых ученых ИИЕТ РАН / отв. ред. Р.А. Фандо, П.А. Захарчук, Н.А. Ростовская. Москва : Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2024. С. 65–70. EDN: BPAKVV*
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 гг. Москва : Новое литературное обозрение, 2015.*
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. Москва : ИД Высшей школы экономики, 2021.*
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. Санкт-Петербург : Журнал «Нева» — Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. EDN: RYEBBF*
- Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>; EDN: CUOVK*
- Сурков М.Ю. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии советско-иранских отношений (1925–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. EDN: QMRTDO*
- Шумилова А. С. Формирование и развертывание системы обучения иностранных студентов в вузах Советского Союза // Журнал российских исследований. 2022. № 7. С. 53–65. <https://doi.org/10.48068/rusad.1126681>; EDN: SZEDZI*
- Amanat A. Iran. A Modern History. New Haven ; London : Yale University Press, 2017.*
- Arasteh R. Education and Social Awakening in Iran. Leiden : E.J. Brill, 1962.*
- Azizi M.-H., Azizi F. Government-Sponsored Iranian Medical Students Abroad (1811–1935) // Iranian Studies. 2010. Vol. 43, iss. 3. P. 349–363. <https://doi.org/10.1080/00210861003693885>*
- Bu L. Education and International Cultural Understanding // Teaching America to the World and the World to America / ed. by R. Garlit, L. Jarvinen. New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 111–133. https://doi.org/10.1057/9781137060150_6*
- Fayet J.-F. VOKS: Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg : Georg éditeur, 2014.*
- Gheidari A., Shohani A. Tarbiyyat-e movarreh ya tarbiyyat-e mo'allem: e'zam-e daneshjuyan-e reshte-ye tarikh va jografiya be Orupa (1307–1312): angizeha, sazokarha va natayej [Подготовка историков-профессионалов или учителей: отправка студентов для обучения по специальности история и география в Европу (1928–1933): мотивы, механизмы и результаты] // Tarikh-e Iran [История Ирана]. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 83–111. (На персидском языке). <https://doi.org/10.52547/irhj.15.2.83>*
- Global Exchanges : Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World / ed. by L. Tournès, G. Scott-Smith. New York, Oxford : Berghahn Books, 2018. <https://doi.org/10.2307/j.ctvw04fqt>*
- Kirasirova M. The Eastern International : Arabs, Central Asians, and Jews in the Soviet Union's Anticolonial Empire. Oxford : Oxford University Press, 2024. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197685693.001.0001>*
- Marashi A. Nationalizing Iran : Culture, Power, and the State. Seattle, WA : University of Washington Press, 2008.*
- Martin B.G., Piller E.M. Cultural Diplomacy and Europe's Twenty Years' Crisis, 1919–1939: Introduction // Contemporary European History. 2021. Vol. 30, iss. 2. P. 149–163. <https://doi.org/10.1017/S096077732000065X>; EDN: RMIVGL*
- Matin-Asgari A. Iranian Student Opposition to the Shah. Costa Mesa, CA : Mazda Publishers, 2002.*
- Menashri D. Education and the Making of Modern Iran. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1992.*
- Moradinezhad H., Pezham-Shariati P. Pazhuhesi darbare-ye ferestadan-e daneshju be kharej dar dowre-ye Ghajar va Pahlavi [Исследование отправки студентов заграницу в период правления династии Каджаров и Пехлеви] // Name-ye olum-e ejtema'yi [Вестник социальных наук]. 1974. No. 4. P. 90–115. (На персидском языке).*
- Perraton H. Foreign Students in the Twentieth Century: A Comparative Study of Patterns and Policies in Britain, France, Russia and the United States // Policy Reviews in Higher Education. 2017. Vol. 1, iss. 2. P. 161–186. <https://doi.org/10.1080/23322969.2017.1303788>; EDN: CSYYRR*
- Poormohamadi Amlashi N., Rahmani S., Khazani M. Barresi-ye siyasat-e dowlat-e Pahlavi-ye avval nesbat be bazgasht-e mohajeran-e irani az Shuravi [Политика правительства Ирана в период правления первого шаха династии Пехлеви по отношению к возвращению иранских эмигрантов из СССР] // Tarikh-e Iran ba'd az Eslam [История Ирана после ислама]. 2023. Vol. 14, no. 36. P. 53–82. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/jiiph.2023.53396.2366>*

- Ravandi-Fadai L. “Red Mecca” — The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920s and 1930s // *Iranian Studies*. 2015. Vol. 48, iss. 5. P. 713–727. <https://doi.org/10.1080/00210862.2015.1058640>; EDN: UFHUR
- Ravandi-Fadai L., McNeer K. Shadows in the Garden: Women Agents Underground and Communist Activism in Mid-20th Century Iran. Part II // *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriiia i Sovremennost.* 2023. No. 3. P. 127–134. <https://doi.org/10.31857/S086919080025674-8>; EDN: OCMZKU
- Smeplass E. Neo-Institutional Perspectives on VET: Organisational Legitimacy and Adaptation in Institutional Landscapes // *Journal of Vocational Education & Training*. 2025. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/13636820.2025.2476069>
- Taher Ahmadi M. *Ravabet-e Iran va Shuravi dar dowre-ye Reza Shah* [Отношения Ирана и СССР в период правления Резы-шаха]. Tehran : Centre for Documents and Diplomatic History, 2005. (На персидском языке).
- Tronchet G. Diplomatie universitaire ou diplomatie culturelle ? La Cité internationale universitaire de Paris entre deux rives (1920–1940) // *La Babel étudiante* / ed. by D. Kévonian, G. Tronchet. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2013. P. 59–88. <https://doi.org/10.4000/books.pur.112094>
- Volkov D. V. *Russia’s Turn to Persia : Orientalism in Diplomacy and Intelligence*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108645270>
- Walton W. National Interests and Cultural Exchange in French and American Educational Travel, 1914–1970 // *Journal of Transatlantic Studies*. 2015. Vol. 13, iss. 4. P. 344–357. <https://doi.org/10.1080/14794012.2015.1088329>

Сведения об авторе:

Сурков Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет; Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; eLibrary SPIN-код: 6635-5446; ORCID: 0000-0002-9219-3254; e-mail: maksim.surkov@urfu.ru